

ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЛАСТЬ ОБЩЕСТВО ПРАВО

С. Е. Федоров

АБСОЛЮТНАЯ ВЛАСТЬ ГОСУДАРЯ В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ (постановка проблемы)

Я не случайно назвал свою статью именно таким образом, желая подчеркнуть, что английский абсолютизм — а именно о нем будет идти речь — можно и нужно рассматривать как явление большой исторической длительности, имея в виду, что интеллектуальные ресурсы этого социального и политического феномена выходят далеко за рамки отводимой для него эпохи¹.

Сейчас, пожалуй, никого не удивит рассуждением, что вариант осмысления этого феномена, характерный для большинства современных работ, является продуктом историографического мифа, сложившегося в позитивистской исторической науке в середине XIX века. Принимая такое объяснение, историки, однако, остаются безмерно далекими от осознания другой не менее важной особенности, указывающей на то, что и такой вариант историографического осмысления во многом формировался под влиянием другого типа мифотворчества, основные черты которого сложились в английской парламентской публицистике 1630–1640-х годов.

Речь идет о том, что так называемая парламентская герменевтика весьма искусно выхватывала из дискурсов гражданского и канонического права, богословских спекуляций, а также официальных выступлений лояльного англиканского духовенства идеи, в той или иной степени характеризовавшие организацию верховной власти

¹ Oakley, F. Jacobean Political Theology: The Absolute and Ordinary Power of the King, in: *Journal of the History of Ideas*, 1968. Vol. 29. P. 323–346.

© С. Е. Федоров, 2016

английской монархии. Выхватывая такие идеи, парламентские публицисты привязывали их к определенным, как правило, дебатруемым в стенах Вестминстера сюжетам, облекая тем самым такие идеи публично-правовым содержанием и превращая их, а также экстраполируемые в связи с этим сюжеты в примеры устойчивого институционального проявления верховной власти. Демистификация лояльно настроенных к верховной власти и, по большей степени, абстрактных дискурсов влекла за собой легитимацию неразрывно связанных с ними практик и обуславливала устойчивую, но подчас весьма условную материализацию парламентских идей абсолютной монархии.

Парадокс такой материализации по-разному воспринимался интерпретирующей его последствия историографией и способствовал формированию двух не исключających друг друга традиций. Либеральная историография в своем стремлении увековечить примат общественного над политическим весьма успешно экстраполировала идею социально ориентированного государства на опыт предшествующих столетий. Рассматривая абсолютистскую природу английской монархии как аномальное, но при этом с известными континентальными аналогами явление, она не только следовала языку и стратегиям парламентских полемистов, но и активно разрабатывала институциональную сторону исследуемого феномена.

Возникшая позднее марксистская традиция рассматривала абсолютизм как переходное явление, способное лишь на время противостоять меняющимся социально-экономическим условиям, используя при этом ограниченные ресурсы классового или в более мягкой форме — социального баланса, опять-таки осуждаемого парламентскими полемистами. Вся последующая традиция, отталкиваясь от этих двух интерпретаций абсолютизма, оказывалась независимо от конечных результатов и обобщений в плену парламентской полемики.

Я далек от мысли, чтобы оспаривать важность парламентских идей об абсолютной монархии, а также возможные для этих идей материализации. Составляя одну из важнейших частей интеллектуального ресурса эпохи, они, тем не менее, не исчерпывали всей полноты бытовавших в Англии раннего Нового времени представ-

лений об абсолютизме, границы которых во многом опосредовались использованием значительной по объему традиции. Речь идет об уже упомянутых дискурсах канонического и гражданского права, богословских воззрениях, а также о системе взглядов, присущих лояльному англиканскому духовенству, корни которых уходят в схоластические споры XIII века.

Наиболее важными и принципиальными для моих наблюдений являются две группы дискурсов, которые связаны между собой не только хронологически (они остаются наиболее ранними и в этом смысле подчеркивают историческую длительность самого феномена), но и генетически². Каждый из них восходит к поднятой Петром Дамиани (1007–1072) проблематике, связанной с метафизическим толкованием важнейшего теологического концепта о божественном всемогуществе.

Напомню, что именно тогда в середине XI века интенсифицировался спор о границах божественных возможностей и именно тогда в богословские споры прочно вошла теологическая параллель *potentia Dei absoluta / potentia Dei ordinata*, дальнейшие спекуляции вокруг которой повлекли за собой множественные интерполяции самой предметной парадигмы в споры о границах и возможностях сначала папской, затем имперской и, наконец, верховной светской власти вообще. Предложенная Дамиани параллель служила для обозначения двух контролируемых божественной волей порядков.

Порядок, контролируемый «абсолютной властью» Господа означал в представлениях цистерцианского монаха порядок всех потенциально возможных для божественного воображения и интуиции вещей и явлений — это был порядок неограниченных божественных возможностей для его же божественного волеизъявления. Порядок, подвластный установленной власти Бога, был порядком божественной благодати и в этом смысле был тождественен природному и человеческому порядку — это был порядок

² Основанием для такой постановки вопроса послужили работы Френсиса Окли: *Oakley, F. The Absolute and Ordained Power of God in Sixteenth and Seventeenth-century Theology*, in: *Journal of the History of Ideas*, 1998. Vol. 59. P. 437–461; *Oakley, F. The Absolute and Ordained Power of God and King in the Sixteenth and Seventeenth Centuries: Philosophy, Science, and Law*, in: *Journal of the History of Ideas*, 1998. Vol. 59. P. 669–690.

тех вещей и явлений, которые Господь уже создал и с которым его воля находится в гармоничном состоянии³.

Рассуждения Дамиани о божественном могуществе были трансформированы в последующую традицию Гуго Сен-Викторским⁴, Петром Абеляром⁵ и закреплены в качестве образцового текста в «*Книге сентенций*» Петра Ломбардского⁶.

Альберт Великий⁷, Фома Аквинский, Эгидий Римский и Дунс Скот⁸ значительно расширили возможности, содержащегося в тексте Дамиани толкования, придав ему известный диалектизм, а Уильям Оккам⁹ и вся последующая номиналистская традиция окончательно закрепили использование диады в университетской богословской традиции XIV–XV вв., положив начало *операционалистской* — в отличие от классической, восходящей непосредственно к труду Дамиани, версии¹⁰. Версии, которая предполагала активный сопричастующий характер *potestas absoluta*, способный при необходимости не только видоизменять установленный порядок, но и создавать ему альтернативу. При этом Уильям Оккам и его последователи со всей очевидностью допускали прямую аналогию связанных с обеими формами божественного могущества возможностей с интерпретацией властных полномочий духовных и светских авторитетов¹¹.

³ *Pierre Damien*. Lettre sur la toute-puissance divine / Éd. A. Cantin. Paris, 1972. Русский перевод: *Петр Дамиани*. О божественном всемогуществе, В кн.: *Ансельм Кентерберийский*. Сочинения. М., 1995. С. 356–395.

⁴ *Hugo de Sancto Victore*. De sacramentis Christiane fidei. Paris, 1890. Col. 173–618 (Col. 214-16: I. 2.22). Последнее современное издание: *Hugo de Sancto Victore*. De sacramentis Christiane fidei / Hrsg. von R. Berndt. Münster, 2008.

⁵ *Petrus Abealardus*. Introductio ad theologiam. Paris, 1885. Col. 1092 (III.4).

⁶ *Thomas d'Acquin*. Petri Lombardi Scriptum Super Libros Sententiarum / Éd. R. Mandonnet. Paris, 1929.

⁷ *Albertus Magnus*. Summa Theologiae, in: *Opera omnia* / Éd. A. Borgnet. 38 vols. Paris: L. Vivès, 1890–1899. Vol. 31. P. 832–34 (I. XIX. 78.2).

⁸ *Duns Scotus*. Lectio Prima, in: *In quator libros Sententiarum*. 2 vols. Antwerpen: S. n., 1620. Vol. 1. P. 443–444 (I. 44).

⁹ *Gueillelmus de Ockham*. Opus nonaginta dierum, in: *Opera Politica* / Éd. H. Offler. 3 vols. Manchester: e typis Universitatis, 1940–1962. Vol. 2. P. 718ff (ch. 95); *McGrade, A*. The Political Thought of William Ockham. Cambridge, 1974.

¹⁰ *Courtenay, W*. Covenant and Causality in Medieval Thought. London, 1984. P. 1–37.

¹¹ *McGrade, A*. The Political Thought. P. 33–42.

Насколько можно судить, ситуация в области канонического права развивалась под непосредственным влиянием богословской традиции. Достаточно сложно предполагать, когда именно, при каких условиях и в какой версии предложенная Дамиани диада стала неотъемлемой частью канонических споров, а также кто из известных в этой области юристов стал первым в ее использовании. Френсис Окли полагает, что уже в начале XIV века существовала достаточно компактная группа юристов, активно адаптировавшая богословские идеи для нужд сугубо правовой интерпретации¹². Речь идет о Генрихе из Сузы¹³, Джованни Андреэ¹⁴, а также Анри из Буика¹⁵, которые одними из первых стали использовать эту диаду для толкования границ папской власти.

Судя по всему представители этой группы юристов канонического права были знакомы главным образом с трактатом Эгидия Римского «О церковной власти», который исходил из того, что Господь управляет естественным порядком вещей, подобно тому как папа управляет церковным порядком. И в том и другом случае речь, однако, идет о возможном действии двух неравнозначных частей одной и той же модальности или даже о двойной модальности. Первое из возможных проявлений такой модальности связано с отношением действия самого Господа или в другом случае — римского папы с «общим правом» или «общим состоянием природы». Второе связано с использованием принадлежащей каждому из них «полнотой власти» или «*plenitudo potestatis*», т. е. «особого божественного провидения» или же «особого» закона¹⁶.

В первом своем проявлении (более обычном) Господь устанавливает предписания и ограничения, но не вмешивается напрямую

¹² Oakley, F. Kingship: The Politics of Enchantment. Oxford, 2006. P. 108–132.

¹³ Henricus Ostiensis. Lectura in Quinque Decretalium Gregorianarum Libros. Paris, 1512. Ad X. 5, 31.

¹⁴ Ioannes Andreae. In Tertium Decretalium Librum Novella Commentaria. Venice, 1581. Ad X. 3.35; 6.

¹⁵ Opus preclarissimum distinctionum Henrici Bouhic utrisque iuris professoris super quinque libris decretalium. Venice, 1584. Fol. 61v.

¹⁶ Федоров, С. Е. Универсализм vs этноцентризм: империя и монархии к исходу средних веков, В кн.: *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 2012, № 6. С. 176–189; Федоров, С. Е. Имперская идея и монархии к исходу средних веков, В кн.: *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*, 2013, № 1. С. 77–89.

в действие создаваемых ими инструментов и остается как бы вне обуславливающих их дальнейшее формирование вторичных причин. Подобно этому римские папы воспринимают свое сопричастие в пространстве, определяемом каноническим правом. При этом сам господь и воспринимаемый по аналогии с ним римский папа имеют основания, не нарушая естественного состояния, порождаемого действием вторичных причин и, соответственно, без всякого логического противоречия, совершать любые действия, непредусмотренные такой причинностью и, следовательно, выходить за пределы обозначенного ими порядка.

Потенциально возможный характер действий, обусловленный возможностями «*potestas absoluta*», однако, оставался лишь потенциально возможным, поскольку и Господь, и сам римский папа сознательно сдерживали себя, предпочитая по доброй воле (отсюда — появившийся аналог абсолютной власти — «*voluntas dei beneplaciti*») не вмешиваться в порядок, регулируемый вторичными средствами, оставляя первичные средства, как отмечал Джованни Андреа для экстраординарных ситуаций¹⁷.

С появлением сочинений Бальдуса характер канонических интерполяций диады стал известен юристам гражданского права¹⁸. Содержащиеся в операционалистской версии диады преимущества согласовывались с широко эксплуатируемой цивилистами максимой «*vox digna*» императора Феодосия, которая ограничивала возможные последствия также широко используемой максимы «*princeps legibus solutus est*» в трактовке законодательных полномочий имперской и более широко — верховной светской власти¹⁹.

Сочинения Бальдуса, равно как и близкого ему в идейном отношении Аккурция оставались среди наиболее цитируемых в цивилистской литературе XV–XVI веков. Судя по всему, через призму идей этих двух авторов последующая традиция и воспринимала дамиановскую диаду и ее возможные вариации. Во всяком

¹⁷ Ioannes Andreae. In Tertium Decretalium Librum Novella. Ad X. 3.35; 6.

¹⁸ Canning, J. The Political Thought of Baldus de Ubaldis. Cambridge, 2003. P. 58–64.

¹⁹ Tierney, B. «The Prince is not Bound by the Laws»: Accurcius and the Origins of the Modern State, in: *Comparative Studies in Society and History*, 1963. Vol. 5. P. 378–400.

случае значительная часть ссылок, содержащихся в сочинениях Альберико Джентили (1552–1608) и Джеймса Коуэлла на эту тему²⁰, приходится на Ординарную глоссу Аккурция и Комментарии к кодексу Юстиниана Бальдуса²¹.

Интерпретируя диаду, уже английская цивилистская традиция трактует абсолютную власть монарха как совокупность потенциально неограниченных возможностей — его прерогатив, поступающая или ограничивая которые верховный суверен, совершает действия во благо своих подданных, живущих в пределах установленного на основаниях взаимного согласия порядка. Не нарушая известного равновесия в действии вторичных причин, монарх тем самым повторяет действия наделившего его властью Господа, подтверждая через такое поведение лежавшие в основе самой властной диады принципы. Власть монарха оказывается в этом смысле и абсолютной, и одновременно ограниченной установленными предписаниями. Я бы назвал это обстоятельство парадоксом политического и правового суверенитета²², суть которого была ясна до определенной поры даже юристам общего права, подобно цивилистам активно эксплуатировавшим дамиановскую диаду во всех крупнейших в первой половине XVII века судебных процессах (Bate's case, 1606; Post-nati case, 1608; Darnel's case, 1627; Ship-money case, 1637). Приведу одну из позднейших цитат на эту тему, принадлежавшую лорду Главному судье Флеммингу:

«Король связан обязательствами в управлении своим королевством и его народом; и Брактон говорит, что для исполнения именно таких обязательств Господь наделил его властью... Власть королей является двойственной, т. е. установленной и абсолютной властью, и каждая из этих властей покоится на различных основаниях и имеет различные цели. Что касается установленной

²⁰ *Паламарчук, А. А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии: Институты и идеи. Санкт-Петербург, 2015. С. 239–250, 250–268; *Cowell, J.* A Law Dictionary or Interpreter of Words and Terms Used Either in the Common or Statute Laws. London, 1727 (entries «King», «Prerogative»).

²¹ *Canning, J.* The Political Thought. P. 102–111.

²² О контексте этого явления: *Паламарчук, А. А., Федоров, С. Е.* Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. Санкт-Петербург, 2013; *Федоров, С. Е.* Антикварное историописание. История и современность в яковитской Англии. Санкт-Петербург, 2007.

власти, то она служит во благо отдельных подданных и для поддержания гражданской справедливости, а также определения того, что кому принадлежит: все это решается по праву справедливости в обычных судах и именуется цивилистами *jus privatum*, а среди нас — обычным правом; при этом такое право не может изменяться без согласия парламента, и, хотя форму таких законов можно изменить... они никогда не должны искажаться по своей сути. Абсолютная власть короля не является таковой, которую можно использовать в личных целях, для пользы какого-либо конкретного лица, но представляет собой особую власть, что используется для всеобщего блага народа, и представляет собой *salus populi*; подобно тому, как народ составляет единое тело, а король его голову; и эта власть руководствуется предписаниями, которые основываются непосредственно на общем праве, и более точно именуется политикой или управлением, и, подобно тому, как со временем изменяется физическое состояние этого тела, изменяется этот абсолютный закон в соответствии с мудростью короля и для всеобщего блага»²³.

В рассуждениях Флемминга с легкостью угадываются слегка трансформированные идеи Джона Фортеस्कью (1394–1476) о так называемых формах верховной власти монарха известных как «*gubernaculum*» и «*jurisdictio*»²⁴. Как известно, во времена Фортеस्कью «*gubernaculum*» воспринимался как исключительное право монарха на управление королевством, реализуя которое монарх был свободен от каких бы то ни было видимых ограничений. Позднее тюдоровские юристы начинают отождествлять его со сферой абсолютной власти монарха. «*Jurisdictio*» отождествлялось с предписанными правами его подданных, которые находились вне пределов полномочий, обычно закрепляемых правом за королевской администрацией.

Позднее тюдоровские юристы стали воспринимать само понятие «*jurisdictio*» в качестве аналога установленной власти монарха. Это обстоятельство подразумевало, что во время произносимой на коронации клятвы, монархом признавались и подтверждались

²³ A Complete Collection of State Trials / Ed. T. B. Howell. London, 1816–1823. Vol. II. P. 389.

²⁴ J. Fortescue. De Laudibus Legum Angliae / Ed. S. Crimes. Cambridge, 2002.

известные правовые ограничения, распространявшиеся затем на всю систему королевского управления. Фортескью, очевидно, первым не только использовал эти термины, разделяя принцип «*regimen politicum et regale*», но и подразумевал известную параллель между «*potestas absoluta*» и «*potestas ordinata*».

В его представлениях английская монархия, как представляется, была не столько смешанной монархией, сколько абсолютной, но с определенными ограничениями, налагаемыми законом. Думается, что такое видение статуса верховной власти сохранилось вплоть до начала XVII столетия, но при Якове конфликт между двумя формами королевской власти привел к разрушению самой параллели в сознании большинства юристов общего права. Превосходство «*gubernaculum*» над «*jurisdictio*» стало в их сознании очевидным. Проступающая таким образом дилемма была связана, на мой взгляд, с историко-культурным контекстом раннестюартовской монархии. Сталкиваясь с необходимостью истолковывать ситуации, указывающие на те или иные, ранее не встречающиеся проявления абсолютной власти монарха (главным образом в налогово-финансовой сфере), юристы общего права обнаруживали несостоятельность имеющихся прецедентов. Как правило, такие прецеденты не могли обеспечить адекватный контроль ни над ее чрезмерным, как полагали юристы, использованием. Именно поэтому даже в таких случаях, когда действия королевской власти вписывались в отведенные законом рамки, оппоненты Стюартов предпочитали трактовать их как нелегитимные, опираясь при этом исключительно на правовые и процессуальные прецеденты, связанные со сферой «*jurisdictio*». Подобный операционализм суждений парламентской оппозиции нарушал известный баланс властной модальности и по существу навязывал новые, в буквальном смысле беспрецедентные правовые и политические ограничения абсолютной власти монарха и всей системы королевской администрации.

Информация о статье

Федоров, С. Е. Абсолютная власть государя в контексте средневековой политической теологии (постановка проблемы), В кн: *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени.* 2016. Вып. 2 (14). С. 31–44.

Сергей Егорович Федоров

д. и. н., профессор кафедры истории Средних веков, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5)
s.fedorov@spbu.ru

УДК 94 (420). 06

В статье рассматривается контекст развития представлений об абсолютной власти монарха. Демонстрируется, что формирование взглядов современников о границах королевских прерогатив происходило под влиянием взаимодействовавших между собой теологических и правовых дискурсов, окончательно объединившихся и составивших инструментальную основу для обновленной интерпретации проблемы в сочинениях Бальдуса. В сложившихся таким образом представлениях преобладало четкое разделение абсолютной (*potestas absoluta*) и предустановленной (*potestas nominata*) власти суверена. При этом управлявший своим народом монарх предпочитал ограничивать свои полномочия ограничительными предписаниями и рассматривал абсолютные прерогативы лишь как потенциально возможные.

Ключевые слова: средневековая политическая теология, абсолютная и предустановленная власть, абсолютизм.

Статья написана при поддержке гранта РГНФ (№ 16-01-00108а) «Институты, теория и практика западноевропейских монархий XVII–XVIII вв.»

Information on the article:

Fedorov, S. E. Absolyutnaya vlast' gosudarya v kontekste srednevekovoy politicheskoy teologii (postanovka problemy) [The Absolute Royal Power in the Context of a Medieval Political Theology: A Problem Statement], Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture. 2016. Vol. 2 (14). P. 31–44.

Sergey Egorovich Fyodorov

Doctor of History, professor of Medieval history, Institute of History, St. Petersburg State University (199034, Rossiya, Sankt-Peterburg, Mendeleevskaya linia, dom 5)
s.fedorov@spbu.ru

The article defines a context, which determined major trends in development the idea of absolute royal power within the Western European monarchies. Suggesting that medieval concept of the royal prerogatives were influenced by theological and legal (almost canon law) discourses, the paper demonstrates how they were finely unified in the XIVth century intellectual controversies and in

what way they became instrumental for Baldus de Ubaldis political thought. New preferences were based on a strong distinction of absolute and ordained power: supreme secular authorities, while function, perceived their unlimited prerogatives as a potential and emphasized a constructiveness of their limited credentials.

The research is supported by RSSF grant (№ 16-01-00108a) «The Institutions, Theory, and Practice of the Western European Monarchies in Seventeenth – Eighteenth Centuries»

Key words: medieval political theology, absolute and ordained power, absolutism

Список источников и литературы

A Complete Collection of State Trials / Ed. T. B. Howell: 33 vols. London: Longman, 1816–1823. Vol. II. 1118 p.

Albertus Magnus. Opera omnia / Éd. A. Borgnet: 38 vols. Paris: L. Vivès, 1890–1899.

Albertus Magnus. Summa Theologiae, in: *Opera omnia* / Éd. A. Borgnet. 38 vols. Paris: L. Vivès, 1890–1899. Vol. 31. 720 p.

Canning, J. The Political Thought of Baldus de Ubaldis. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 312 p.

Courtenay, W. Covenant and Causality in Medieval Thought. London: Variorum reprints, 1984. 368 p.

Cowell, J. A Law Dictionary or Interpreter of Words and Terms Used Either in the Common or Statute Laws. London: S. n., 1727. 720 p.

Duns Scotus. In quator libros Sententiarum: 2 vols. Antwerpen: S. n., 1620.

Duns Scotus. Lectio Prima, in: *In quator libros Sententiarum*. 2 vols. Antwerpen: S. n., 1620. Vol. 1. 820 p.

Gueillelmus de Ockham. Opera Politica / Ed. H. Offler: 3 vols. Manchester: e typis Universitatis, 1940–1962.

Gueillelmus de Ockham. Opus nonaginta dierum, in: *Opera Politica* / Éd. H. Offler. 3 vols. Manchester: e typis Universitatis, 1940–1962. Vol. 2. 940 p.

Henricus Ostiensis. Lectura in Quinque Decretalium Gregorianarum Libros. Paris: S. n., 1512.

Hugo de Sancto Victore. De sacramentis Christiane fidei / Hrsg. von R. Berndt. Münster: Aschendorff, 2008. 420 p.

Hugo de Sancto Victore. De sacramentis Christiane fidei. Paris: Migne, 1890 (PL 176).

Ioannes Andreae. In Tertium Decretalium Librum Novella Commentaria. Venice: S. n., 1581.

J. Fortescue. De Laudibus Legum Angliae / Ed. S. Crimes. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 316 p.

McGrade, A. The Political Thought of William Ockham. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. xiii, 269 p.

Oakley, F. Jacobean Political Theology: The Absolute and Ordinary Power of the King, in: *Journal of the History of Ideas*, 1968. Vol. 29. P. 323–346.

Oakley, F. Kingship: The Politics of Enchantment. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. xiii, 193 p.

Oakley, F. The Absolute and Ordained Power of God and King in the Sixteenth and Seventeenth Centuries: Philosophy, Science, and Law, in: *Journal of the History of Ideas*, 1998. Vol. 59. P. 669–690.

Oakley, F. The Absolute and Ordained Power of God in Sixteenth and Seventeenth-century Theology, in: *Journal of the History of Ideas*, 1998. Vol. 59. P. 437–461.

Opus preclarissimum distinctionum Henrici Bouhic utrisque iuris professoris super quinque libris decretalium. Venice: S. n., 1584.

Petrus Abealardus. Introductio ad theologiam. Paris: Migne, 1885 (PL 178).

Pierre Damien. Lettre sur la toute-puissance divine / Éd. A. Cantin. Paris: Cerf, 1972. 520 p. (*Sources chrétiennes* 191).

Thomas d'Acquin. Petri Lombardi Scriptum Super Libros Sententiarum / Éd. R. Mandonnet: 2 vols. Paris: Sumptibus P. Lethielleux, 1929. 430+420 p.

Tierney, B. «The Prince is not Bound by the Laws»: Accurcius and the Origins of the Modern State, in: *Comparative Studies in Society and History*, 1963. Vol. 5. P. 378–400.

Паламарчук, А. А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: Институты и идеи. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. 321 с.

Паламарчук, А. А., Федоров, С. Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. 308 с.

Федоров, С. Е. Антикварное историописание. История и современность в яковитской Англии. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ, 2007. 42 с.

Федоров, С. Е. Имперская идея и монархии к исходу средних веков, В кн.: *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*, 2013, № 1. С. 77–89.

Федоров, С. Е. Универсализм vs этноцентризм: империя и монархии к исходу средних веков, В кн.: *Известия высших учебных заведений. Правоведение*, 2012, № 6. С. 176–189.

References

Berndt, R. (Hrsg. von). *Hugo de Sancto Victore. De sacramentis Christiane fidei*. Münster: Aschendorff, 2008. 420 p.

Borgnet, A. (Éd.). *Albertus Magnus. Opera omnia*. 38 vols. Paris: L. Vivès, 1890–1899.

Borgnet, A. (Éd.). *Albertus Magnus. Summa Theologiae* / Éd. A. Borgnet. 38 vols. Paris: L. Vivès, 1890–1899. Vol. 31. 720 p.

Canning, J. The Political Thought of Baldus de Ubaldis. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 312 p.

Cantin, A. (Éd.). Pierre Damien. Lettre sur la toute-puissance divine. Paris: Cerf, 1972. 520 p. (Sources chrétiennes 191).

Courtenay, W. Covenant and Causality in Medieval Thought. London: Variorum reprints, 1984. 368 p.

Cowell, J. A Law Dictionary or Interpreter of Words and Terms Used Either in the Common or Statute Laws. London: S. n., 1727. 720 p.

Crimes, S. (Ed.). J. Fortescue. De Laudibus Legum Angliae. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 316 p.

Duns Scotus. In quator libros Sententiarum. 2 vols. Antwerpen: S. n., 1620.

Duns Scotus. Lectio Prima. 2 vols. Antwerpen: S. n., 1620. Vol. 1. 820 p.

Fedorov, S. E. Antikvarnoe istoriopisanie. Istoriya i sovremennost' v yakovitskoy Anglii [The Antiquarian historical writing: History and Modernity in the Jacobean England]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2007. 42 p. (in Russian).

Fedorov, S. E. Imperskaya ideya i monarkhii k iskhodu srednikh vekov [The imperial idea and monarchies in the end of the Middle Ages], in: Vestnik SPbGU. Seriya 2. Istoriya, 2013. № 1. P. 77–89 (in Russian).

Fedorov, S. E. Universalizm vs etnotsentrizm: imperiya i monarkhii k iskhodu srednikh vekov [Universalism vs Ethnocentrism: Empire and Monarchies by the End of The Middle Ages], in: Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie, 2012. № 6. P. 176–189 (in Russian).

Henricus Ostiensis. Lectura in Quinque Decretalium Gregorianarum Libros. Paris: S. n., 1512.

Howell, T. B. (Ed.). A Complete Collection of State Trials. 33 vols. London: Longman, 1816–1823. Vol. II. 1118 p.

Hugo de Sancto Victore. De sacramentis Christiane fidei. Paris: Migne, 1890 (PL 176).

Ioannes Andreae. In Tertium Decretalium Librum Novella Commentaria. Venice: S. n., 1581.

Mandonnet, R. (Éd.). Thomas d'Acquin. Petri Lombardi Scriptum Super Libros Sententiarum. 2 vols. Paris: Sumptibus P. Lethielleux, 1929. 430+420 p.

McGrrade, A. The Political Thought of William Ockham. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. xiii, 269 p.

Oakley, F. Jacobean Political Theology: The Absolute and Ordinary Power of the King, in: Journal of the History of Ideas, 1968. Vol. 29. P. 323–346.

Oakley, F. Kingship: The Politics of Enchantment. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. xiii, 193 p.

Oakley, F. The Absolute and Ordained Power of God and King in the Sixteenth and Seventeenth Centuries: Philosophy, Science, and Law, in: Journal of the History of Ideas, 1998. Vol. 59. P. 669–690.

Oakley, F. The Absolute and Ordained Power of God in Sixteenth and Seventeenth-century Theology, in: *Journal of the History of Ideas*, 1998. Vol. 59. P. 437–461.

Offler, H. (Ed.). *Gueillelmus de Ockham*. Opera Politica. 3 vols. Manchester: e typis Universitatis, 1940–1962.

Offler, H. (Éd.). *Gueillelmus de Ockham*. Opus nonaginta dierum / Éd. H. Offler. 3 vols. Manchester: e typis Universitatis, 1940–1962. Vol. 2. 940 p.

Opus preclarissimum distinctionum Henrici Bouhic utrisque iuris professoris super quinque libris decretalium. Venice: S. n., 1584.

Palamatchuk, A. A. Tsivil'noe pravo v rannestyuartovskoy Anglii: Instituty i idei. [Civil law in the early stuart England: Institutions and ideas]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2015. 321 p. (in Russian).

Palamatchuk, A. A., Fedorov, S. E. Antikvarnyy diskurs v rannestyuartovskoy Anglii [The antiquarian discourse in the seventeenth century England]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2013. 308 p. (in Russian).

Petrus Abealardus. Introductio ad theologiam. Paris: Migne, 1885 (PL 178).

Tierney, B. «The Prince is not Bound by the Laws»: Accurcius and the Origins of the Modern State, in: *Comparative Studies in Society and History*, 1963. Vol. 5. P. 378–400.